

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ:

ретроспектива и современность
комплексных региональных
исследований

100-летие завершения издания томов серии
«Россия. Полное географическое описание
нашего Отечества»

Материалы V международной конференции
по исторической географии

ЧАСТЬ I

18-21 мая 2015
г. Санкт-Петербург

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ РОССИИ:
РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ
КОМПЛЕКСНЫХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**100-ЛЕТИЕ ЗАВЕРШЕНИЯ ИЗДАНИЯ ТОМОВ СЕРИИ
«РОССИЯ. ПОЛНОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА»**

**Материалы V международной конференции
по исторической географии
Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.**

Часть I

Санкт-Петербург
2015

УДК 913.1/913.8

ББК 63.218

Редакционная коллегия:

проф. К. В. Чистяков (отв. ред.)

Л. Б. Вампилова, А. Б. Глебова (отв. секретарь),

А. А. Соколова, И. А. Чернякова

Рецензенты:

проф. В. М. Разумовский, проф. Д. А. Субетто

Г54

Историческая география России: ретроспектива и современность комплексных региональных исследований (100-летие завершения издания томов серии «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества»): материалы V междунар. конф. по исторической географии (Санкт-Петербург, 18–21 мая 2015 г.). Ч. I. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 360 с.

ISBN 978-5-8290-1464-3 (ч. 1)

978-5-8290-1463-6

В сборнике представлены материалы V международной конференции по исторической географии, организованной Русским географическим обществом, Санкт-Петербургским государственным университетом и Ленинградским государственным университетом имени А. С. Пушкина. Представленные материалы отражают деятельность научных и образовательных коллективов России, ближнего и дальнего Зарубежья в различных областях исторической географии, разнообразие направлений, подходов и методик.

Материалы конференции имеют теоретическое и практическое значение и могут быть использованы при разработке программ социально-экономического развития регионов, схем территориального планирования, при проектировании и оптимизации региональных сетей особо охраняемых природных территорий, туристско-рекреационных центров, зон и т. д.

Издание может представлять интерес для широкого круга специалистов в области географии, природопользования, преподавателей и учителей, краеведов, учащихся средних и высших образовательных учреждений.

*Конференция проводится при финансовой поддержке РФФИ
(проект № 15-05-20225)*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина

ISBN 978-5-8290-1464-3 (ч. 1)

978-5-8290-1463-6

© ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2015

© СПбГУ, 2015

© Авторы, 2015

Литература: 1. *Агеева Р.А.* Происхождение имен рек и озер. М., 1985. 114 с. 2. *Веске М.П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1890. Т. 8. Вып. 1. 303 с. 3. *Воробьев, В.М.* Тверской топонимический словарь: Названия населенных мест. М., 2005. 4. *Востриков О.В.* Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990. 100 с. 5. *Глебо, Г.И.* Словарь ойконимов бассейна Нижней Печоры. Сыктывкар, 2009. 6. История Карелии XVI–XVII вв. в документах / сост. Г.М. Коваленко, И.А. Чернякова, В. Салохеймо. Петрозаводск; Йоенсуу, 1987. С. 19–178. 7. Каталог озер и рек Карелии. Петрозаводск, 2001. 290 с. 8. *Климова Л.А.* Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. Арзамас, 2006. 9. *Матвеев А.К.* Ономотология. М., 2006. 292 с. 10. *Михайлова Л.П.* «Соломенные» места в России // «И нежный вкус родимой речи...». Арзамас, 2011. С. 352–356. 11. *Муллонен И.И.* Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 12. *Муллонен, И.И., Азарова, И.В., Герд, А.С.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь). СПб., 1997. 13. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. 2-е изд.: в 2-х т. М., 1999. 14. *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003. 540 с. 15. Псковская область: Карта. М., 1994. 16. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973. 17. *Филин Ф.П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972. 656 с. 18. Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki. 1955–1981. O. 1–7.

ТОПОНИМНЫЕ МОДЕЛИ КАК МАРКЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ*

Муллонен И. И.

Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, г. Петрозаводск, Россия
mullonen@krc.karelia.ru

Мир географических названий богат и разнообразен. Чем более освоена территория, чем богаче рельеф местности, тем шире список топонимов. Полевые сборы топонимии в Карелии и на смежных территориях Северо-Запада России свидетельствуют о том, что в окрестностях одного куста поселений удастся зафиксировать до 400–500 названий – от наименований отдельных частей населенного пункта, окружающих его водных объектов до топонимов, называющих полосы в полях, одиночные камни или деревья. На первый взгляд может показаться, что выбор названий произволен, свободен от всякого рода ограничений. Однако анализ принципов названия убеждает в том, что полет фантазии ограничен многими обстоятельствами. Топоним образуется и существует не сам по себе, но в рамках определенной системы, по образцам, моделям, использующимся в данное время и на данной территории. Эти образцы человек усваивает вместе с языком и обращается к ним, когда сам присваивает названия географическим объектам, в том числе и на вновь освоенных территориях. Поэтому

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РГНФ № 14-04-00243а «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте».

выявление и последующее картографирование топонимов, дифференцирующих определенный этноязыковой коллектив, позволяет реконструировать исторические границы этнических ареалов или пути, по которым происходило освоение новых территорий. Для эффективной реконструкции принципиально важно выявить, вычленив из топонимического массива территории те структуры, те топоосновы или форманты, которые несут в себе такой этноисторический заряд. Топонимическая наука накопила определенный комплекс подходов и приемов для поиска. При этом важнейшей предпосылкой такого рода исследования является наличие массового достоверного топонимического материала.

Данный текст подготовлен в рамках выполнения проекта РГНФ «Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте, в котором ставится цель доказать бытование определенных моделей номинации и выявить причины их появления.

В качестве материала для исследования используется картотека топонимов Карелии, включающая более 300 тыс. единиц хранения и создающийся на ее основе в ИЯЛИ КарНЦ РАН электронный ресурс – ГИС «Топонимия Карелии», позволяющий, в частности, проводить геокодирование топонимов с привязкой названия к объекту называния и тем самым отслеживать образы, лежащие в основе номинации.

Далее прослежены две дифференцирующие топоосновы, одна – русская, вторая – прибалтийско-финская, свидетельствующие об ареальной приуроченности отдельных топооснов и, соответственно, возможности их этноисторической интерпретации.

Первая – топооснова *Великий* в Заонежье, образующая ареальное противостояние с основой *Большой*. Оно сложилось в результате того, что идея ‘большой по размеру’ выражалась в новгородской традиции словом *великий*. Со временем, однако, лексема выходит из активного употребления и сменяется лексемой *большой*. В результате оба слова могут использоваться в одном ареале, но маркировать названия с разными хронологическими рамками существования: топонимы, в состав которых входит лексема *великий*, появились раньше и существуют дольше, чем топонимы с элементом *большой*. В Заонежье большинство “великих” топонимов тяготеют к восточному побережью Заонежского полуострова, где неоднократно фиксируются *Великая Лядина*, *Великая Орга*, *Великий Мох*, *Великая Нива*, *Великий камень*, *Великий бор*, *Великая Щельга* и др. На карте видно, что ареал тянется от Великой Губы вдоль побережья до Шуньги, не углубляясь внутрь полуострова. В контексте хронологической дистрибуции топооснов *великий* и *большой* подобное ареальное членение может быть интерпретировано так, что русское освоение продвигалось вдоль Заонежского залива. Какой-то более слабый колонизационный поток шел на губу Чергу и на Лижемскую губу. Центральная же часть полуострова на ранних этапах оставалась вне интересов русского освоения. Здесь качественная топооснова *Великий* как маркер раннего освоения либо отсутствует полностью, как, напр., в Карасозерской волости, либо представлена одним единственным примером на волость, см. *Великая Грязь* (Фоймогуба), *Вели-*

кая нива (Космозеро), Великая Грязь (Кажма), при том, что модельная топонима Большая входит здесь в число приоритетных. На территории Великоновской волости, судя по нашим материалам [2], бытовал только один «великий» топоним – название центрального поселения самой волости – Великая Нива. В контексте ареальной оппозиции великий – большой стоит обратить внимание на то, что отмеченные в центральном Заонежье топонимы Великая Грязь и Великая нива входят в число устойчивых образований, неоднократно воспроизведенных в заонежской топонимии. Видимо, они сохраняли свою топонимическую активность еще в то время, когда сама лексема великий уже вышла из повседневного употребления, что позволило им в виде исключения воплотиться на территории вторичного освоения в Заонежье.

Своя этнокультурная история стоит за гидронимной основой Polvi (фин., карел. polvi ‘колено’), выступающей в озерных наименованиях и характеризующей форму озер, изогнутых, как нога в колене, т.е. Polvijärvi ‘озеро с коленом’ и Polvilampi ‘лампа с коленом’. Она не получила в Карелии значительного распространения, в нашей базе данных два десятка подобных названий, при этом привязанных к западным, приграничным территориям (рис. 1).

Основа попала в свое время во внимание известного финского топонимиста Ээро Кивиниеми, который установил два ее независимых ареала – один на западе, другой на востоке Финляндии и признавал карельские истоки восточной модели [4, с. 113]. Однако наш материал заставляет усомниться в этом. Дело в том, что модель полностью отсутствует на традиционной карельской территории северо-западного Приладожья (что, кстати, отмечает и Э.Кивиниеми), где происходило на рубеже I и II тыс. формирование карельского этноса. Зато она обнаруживается в северо-восточном углу ладожского побережья, которое в силу природных условий, как известно, не входило в ареал первоначального карельского расселения. Освоение этой пустынной территории начинается, видимо, только в XV–XVI вв., с одной стороны – с северного побережья Ладожского озера, с другой – с территории ливвиковского Сязозера [3, с. 25]. При этом еще к началу XVII в., когда все Приладожье оказывается в составе Швеции и сюда устремляется поток переселенцев с территории восточной Финляндии, этот угол не был, в отличие от более западного участка Приладожья, в должной степени освоен. Логично поэтому полагать, что появление здесь «коленных» лимнонимов Polvijärvi и Polvilampi обусловлено как раз притоком саволаков, принесших с собой названую модель озерных наименований. Осевшие здесь саволаксы помечают вновь освоенные территории своими топонимическими метками. В этом контексте понятно отсутствие модели на традиционной карельской территории в северо-западном Приладожье, хорошо освоенном топонимически карелами уже до прихода саволаков: озера и даже менее значимые лампы были уже названы карелами, и вновь прибывшее население воспользовалось готовыми карельскими топонимами. В качестве доказательства «некарельскости» модели стоит обратить внимание и на такой критерий возраста

названий, как размер озер. Все известные нам в Карелии водоемы с названиями *Polvijärvi* и *Polvilampi* очень невелики по размерам, в то время как на смежной территории восточной Финляндии их размер «больше среднего» для этой территории [4, с. 112]. Озера больших размеров названы в целом раньше, чем маленькие, и в соответствии с данной закономерностью приладожские «коленные» топонимы вторичны по отношению к собственно саволакским в восточной Финляндии. Кстати, и западнофинский ареал гидронимной основы *Polvi-*, выявленный Э. Кивиниеми, в действительности может иметь саволакские истоки, поскольку он накладывается в значительной степени на район т.н. «саволакского клина», глубоко вторгающегося в западнофинский языковой ареал и образовавшегося в ходе продвижения саво вдоль древнего транзитного пути, ведущего к Ботническому заливу.

Анализ ситуации в Приладожье проясняет и истоки тех немногочисленных «коленных» лимнонимов, которые отражены на топонимической карте в других районах Карелии. Показательно, что модель малопродуктивна на территории средней Карелии, вдоль путей карельской экспансии XV–XVII вв., что в очередной раз свидетельствует о некарельском ее происхождении. В то же время она воплотилась в одиночных лимнонимах западных районов Беломорской Карелии, где отмечены и другие саволакские топонимы [1], доказывающие приток сюда некоторого количества восточнофинского населения.

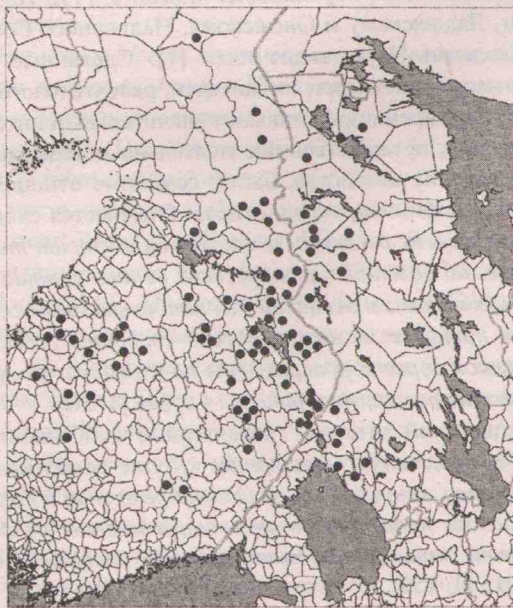

Рис. 1. Ареал гидронимной основы *Polvi-*

Литература: 1. Кузьмин Д.В. Наследие саволаксов в топонимии Карелии // Труды КарНЦ РАН. № 6. Серия «Гуманитарные исследования». Вып. 2. 2011. С. 45–56. 2. Муллонен И.И., Азарова И.В., Герд А.С. Свод топонимов Заонежья / под ред. А.С. Герда. Петрозаводск, 2013. 251 с. 3. *Hämynen T.* – *Omalmual Vierahalmual. Suojärven historia III.* Toimittanut Tapio Hämynen. Saarijärvi, 2011. 535 s. 4. *Kiviniemi E.* *Väärät vedet.* Tutkimus mallien osuudesta nimenmuodostuksessa. Helsinki, 1977. 217 s.

ЛЕКСИКА И ТОПОНИМИЯ ФИННО-УГОРСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ТРУДАХ АКАДЕМИКА Н.Я. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО

Мызников С. А.

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия
myznikovs@rambler.ru

Летом 1785 года Академия наук направила Н. Я. Озерецковского в экспедицию по Ладожскому и Онежскому озерам. В путь экспедиция направилась на сойме, небольшом двухпарусном судне, традиционно использовавшемся как средство передвижения и рыбного промысла на Ладожском, Онежском озерах. Он написал обстоятельный отчет о своем путешествии, который был опубликован книгой в 1792 году – «Путешествие по озерам, Ладожскому и Онежскому, Надворного Советаника, Императорской Академии Наук, академика» [1]. Сделанные им описания представителей населенных мест, их жителей, растительного мира, ихтиофауны, и в настоящее время представляют значительный интерес. Посещая прибрежные селения, путешественник тщательно показывает жизненный уклад, способы ведения хозяйства, быт и семейные отношения местного населения – русских, финнов, карел, вепсов. Отмечается сходство их жизни: *«Все различие между русскими и чухонцами состоит только в вере и несколько в языке; но большая часть русских не так хорошо говорят своим языком, как чухонским; и женской пол наиболее язык сей употребляет, так что и которые из них по-русски говорить совсем не умеют. Дворы в упомянутой деревне расставлены по-чухонски, то есть беспорядочно; но большая часть лицом обращены к губе»* [1: 56].

Н.Я. Озерецковский отмечает характерные особенности языка как русского, так и инородческого населения: *«Кроме свойственных каждой стране в языке отмен, жители как по Олонке-реке, так и по Свири, общие всем россиянам слова произносят отлично, а именно, не договаривают глаголов в третьем лице, как-то вместо будет говорят – буде, вместо несет – несе и пр.»* [1: 150].

В этой книге представлено довольно много лексических единиц, отражающих влияние смежных прибалтийско-финских языков.